

НЮ-ЙОРКСКИЙ Бродвей... Здесь ни днем, ни ночью не прекращается людской поток. По утрам, правда, улица кажется серой, неприятной и как бы помятой словно человек, хлебнувший вчера лишнего, но уже к полудню она прихорашивается, а вечером — это яркое море реклам, веерящихся, дымящихся, прыгающих. Непрерывной чередой тянутся лавочки, где можно купить крикливый и пестрый сувенир; с ними соседствуют бары и кафе, где можно в любое время суток выпить чашку кофе или съесть сэндвич, и бесконечные кинотеатры, где идут «боевики» и «супербоевики». А в улицах, отвечающих от Бродвея, расположены театры, сделавшие имя не одному драматургу и не одному актеру. Если пьеса продержалась на Бродвее сезон, — это уже успех, она становится «модой», юношичат интересоваться театры Европы. И чем замысловатее пьеса по сюжету, чем больше она ставит перед зрителем загадок, тем туманнее отвечает на вопросы журналистов драматург, тем больше вокруг нее сенсация, тем труднее попасть на спектакль.

Но в Нью-Йорке театры существуют не только на Бродвее. И пьесы, идущие в них, так называемые — «внебродвейские», как правило, пользуются не меньшим интересом — только у более серьезной публики. Вот об одной из таких пьес мне и хотелось бы рассказать.

В начале этого года делегация советских писателей приехала в Соединенные Штаты, и Нью-Йорк был последним городом в нашем маршруте. Во время поездки многие американцы давали нам советы, что же посмотреть в театрах Нью-Йорка. На первом месте неизбежно были две вещи: мюзикльная комедия «Хэлло, Долли», идущая на Бродвее, и пьеса Артура Миллера «Это случилось в Виши», идущая «вне Бродвя».

Мы были в Нью-Йорке, когда Юг Соединенных Штатов сотрясали бури возмущения негритянских масс, когда беспоясался ку-клукс-клан, и в южных штатах заполыхали кресты, когда назревали события в Алабаме, а на Севере, где все еще не выветрился дух маккартизма, люди боялись или, в силу присущего немалому числу американцев безразличия, не хотели об этом говорить.

И вот мы отправились в Гринвич-вилледж, на 4-ю улицу, где в одном из театров шла последняя пьеса Артура Миллера «Это случилось в Виши». И вспомнилась война. Вспомнились ужасы фашизма.

...Полицейский участок в Виши. Немецкий эсэсовец, вишистский полицейский, расист — «профессор анти-

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОКЕАНА

Т. КУДРЯВЦЕВА

ропологии» и... двенадцать задержанных. Никакой любовной интриги, ни единой женской роли, и тем не менее зрители, затаив дыхание, следят за ходом действия, спектакль то и доло прерывается аплодисментами. Конечно, немалую роль тут играет талантливая постановка и блестящая игра актеров. Но дело не только в этом. Успех пьесы, несомненно, прежде всего в ее содержании, в актуальности ее звучания, остроте конфликта.

Показывая расовые преступления, совершившиеся гитлеровцами, Артур Миллер клеймит расизм в целом, как идеологию фашизма. В сегодняшней Америке, где расисты терроризируют негритянское население, а кровожадные руководители Пентагона траят газами и засыпают бомбами вьетнамцев, зритель видит в спектакле страшную фигуру представителя лженауки «профессора» Гоффмана, носителя идеи уничтожения «низших рас». И вспоминается, как гитлеровцы, прикрываясь этой «наукой», уничтожали русских, поляков, евреев, украинцев, французов и людей других национальностей, объявленных ими «неполноценными».

В этой пьесе, как и в предыдущих, А. Миллер ставит проблему ответственности, получившую столь широкое распространение в современной мировой литературе. Но здесь он недвусмысленно отвечает, что ответственность может быть разная. Вина гоффманов измеряется тяжестью их преступлений и не умаляется «сроком давности», как пытаются это доказать сейчас в Бонне. Человек не имеет права быть равнодушным, когда в мире творится зло, говорит Миллер. Оставаясь сторонним наблюдателем зла, он становится его соучастником.

И хотя отдельные характеры в пьесе страдают излишней прямолинейностью: в образе коммуниста-электромонтера чувствуется схема,

слишком односторонни некоторые высказывания врача Ледюка, и хотя глухо сказано о движении Сопротивления, которое было очень сильно во Франции и играло серьезную роль в борьбе с оккупантами, — все это не может заслонить главного. Ставя знак равенства между расизмом и фашизмом, талантливый художник говорит своим зрителям и читателям: «Не дайте этому повториться»...

Наша поездка подходила к концу. И вот, перелетев через океан, мы очутились в другой стране, в другом городе. Здесь тоже много реклам — только они менее пестры и крикливы. Здесь тоже много театров. И вместо небоскребов — старинные дома. Эти дома, как и древние камни мостовых, многое видели на своем веку. Они овеяны славными революционными традициями, они были свидетелями баррикад первой в мировой истории коммуны. Город этот — Париж.

Мы приехали туда в феврале, театральный сезон был в разгаре. На наш вопрос о том, что стоит посмотреть в парижских театрах, ответ был удивительно единодушным: «Прежде всего «Дело Оппенгеймера»* у Жана Вилара».

Пьеса шла в театре «Атеней», расположеннном в красивейшем старинном уголке Парижа, неподалеку от Оперы. Попасть туда оказалось нелегко — все билеты были проданы. Но друзья-писатели пришли нам на помощь, и вот мы на спектакле. Еще более публицистический, чем у А. Миллера, текст; тоже почти статичный сюжет; тоже ни одной женской роли. И многоярусный театр, набитый до отказа, из пещера в вечер слушает, затаив дыхание, и аплодирует. Перед зрителем на протяжении двух с четвертью часов разворачивается заседание: идет

* Отрывки из этой пьесы были опубликованы в № 25 газеты «Правда» от 25 января 1965 г.

проверка благонадежности доктора Роберта Оппенгеймера, крупного физика, ученого, руководителя работ по созданию атомной бомбы. Из-за нежелания работать над созданием более мощной и еще более разрушительной водородной бомбы он уходит с официального поста и через два года предстает перед советом безопасности Комиссии по атомной энергии. И вот в обстановке разгула маккартизма, когда по всей стране, как ядовитые грибы, возникли комиссии по проверке лояльности, насаждавшие доись и подозрительность, три тупых, предвзятых и злобных чиновника ведут допрос крупного ученого. Благонадежность Оппенгеймера проверяют не по его поступкам, а по тому, были ли среди его знакомых и друзей коммунисты.

Роджер Робб, юрист Комиссии по атомной энергии (его играет артист Марио Пилар), держится нагло, вызывающе: он как бы заранее уверен в безусловной виновности Оппенгеймера, которого с удивительным благородством и достоинством играет знакомый советскому зрителю Жан Вилар. Вилар не только исполнитель главной роли и постановщик, но и автор текста, в основу которого положены подлинные стенограммы «Дела Оппенгеймера», опубликованные государственным департаментом США.

Мы смотрели этот спектакль и думали о том, какую страшную эпоху пережили люди, какой атмосферой страха они были окружены. Стоило ученому с мировым именем высказать свои сомнения и опасения, как на него обрушилась с беспощадной жестокостью вся государственная машина США. Как же трагична судьба ученого и как он беззащитен в буржуазном мире!

Понятным становилось и то, что привлекает этот спектакль французов. Перед мысленным взором людей среднего и старшего поколений воскресают, наверно, годы фашистской оккупации, и молодежь вспоминает более близкую пору, когда на улицах Парижа рвались бомбы дасовцев, когда национальная угроза высадки фашистов молодчиков-парашютистов и вся прогрессивная Франция сплотилась для борьбы...

Две страны — с разными традициями, разной историей, разными вкусами. И две пьесы — такие близкие по духу протеста, пробуждающие в зрителе схожие мысли.